

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ МАЛЕНЬКОГО ВАНЕЧКИ

Повесть в рассказах

Как бы до лета дожить

Мальчик Ваня очень любит, чтобы ему читали сказки. Он думает, что всё, что происходит в сказках, происходит с ним. Это он всегда побеждает и Змея Горыныча, и Соловья-разбойника, ведь он смелый. Из-за сказок и еще из-за того, что у Вани есть сестра Алёнушка, его стали звать братцем Иванушкой. Когда Алёнушка была маленькая, она была хорошая. Дома немного пицала и ела, а на улице спала. Но стала подрастать, научилась ходить и говорить, ведь Ваня же и учил её говорить (а лучше бы не учил), и стала всё про Ваню рассказывать. Выдаёт, например, что Ваня не ест котлету, а потихоньку уносит во двор собаке Буське.

Сейчас весна. Ваня сидит дома, потому что, как говорят, он «гулять, как все люди, не умеет», что его одного на улицу нельзя отпускать.

— Вот придёт Коля из школы, с ним можно, — говорит бабушка.

— А с дедушкой? — спрашивает Ваня.

Бабушка молчит. Ваня идёт к дедушке. Дедушка работает в боковой комнате, он столяр.

— Дедуш, можно мне на улицу?

— Конечно!

— А бабушка не отпускает.

Дедушка идёт к бабушке на переговоры. Ваня знает, что дедушка скажет: «Я старый солдат! Будущему мужчине нужна закалка!» А бабушка ответит: «Ты-то солдат, да внук-то ребёнок». — «Почти пять лет! — закричит дедушка. — Какой это ребёнок? Я в его годы...». Но дедушке и слова не дадут сказать о том, что он делал в Ванины годы, их обоих сажают за стол.

И кормят, и кормят! Дедушка ест почти без замечаний, а на Ваню они сыплются непрерывно:

— Ногами болтать нельзя! Разговаривать нельзя! Без хлеба есть нельзя! Один хлеб есть нельзя! Компот нельзя пить перед супом! Без супа обедать нельзя! Громко жевать нельзя!

— Кто такое издевательство выдержит? — спрашивает дедушка, бросает ложку и выходит на крыльцо.

— Арбуза хочу! — сердито говорит Ваня.

— Вот и хорошо, — радуется бабушка, — скоро лето, скоро огурцы вырастут и мёд свежий будет. Разрезать огурец, полить мёдом, будет лучше любого арбуза.

Приходит из школы старший брат Коля. Его за стол сажать не надо, садится сам. Ест всё подряд, и ногами болтает, и говорит с полным ртом, и глотает, не пережёвывая пищу. Ему всё можно.

— Вот пойдёшь в школу, — говорит бабушка Ване, — узнаешь, как тяжело грамота достаётся.

Но по Коле что-то незаметно, чтоб в школе было тяжело. Наоборот, тяжелее сидеть дома.

Никаких замечаний бабушка не делает и Лене. Хотя Лена тоже болтает ногами, а суп вообще не ест, только молоко.

Но, оказывается, ещё кое-кто не обедал. Он проснулся и о себе напоминает громким криком:

— Забыли Цезаря! — кричит он. — Цезарь хороший! Посмотрите на Цезаря! Цезарь красавец! Хороший Цезарь!

Это попугай. Папа привёз его из города, когда ездил на областное совещание механизаторов. Он говорил, что привёз попугая в подарок Ване, но это обман: попугай сразу стал маминым и бабушкиным. И назвали его вовсе не Петькой, а каким-то Цезарем. Кормить его приходится тайком. Но за это ругают. И опять выдаёт Лена.

Ваня быстро пьёт компот, благодарит за обед и идёт во двор. Там дедушка, у него и во дворе мастерская, он делает рамки для ульев. Дедушка даёт Ване настоящий рубанок, кладёт поверх Ваниных рук свои, и они вместе строгают доску. И Ваня успокаивается. Хорошо с дедушкой.

— Баню надо истопить, — говорит дедушка, когда они садятся отдыхать. — Баня — это да. Не то что какая-то ванна.

— Дедуш, — спрашивает Ваня, — почему это так: все говорят, что я большой, и ничего не разрешают?

— Терпи, — отвечает дедушка, — меня до сих пор твоя бабушка за человека не считает.

— Говорит что?

— Говорит, что я хуже маленького.

— А это хорошо или плохо?

— Для меня так хорошо, — отвечает дедушка. — Я не хочу быть большим, хочу быть маленьким.

— А я хочу быть большим! — упрямо говорит Ваня.

— Будешь!

— Когда?

— Когда вырастешь.

— А когда вырасту?

— Летом, — отвечает дедушка. — Летом быстро растут.

«Скорей бы лето», — думает Ваня.

День-деньской

Ваня ходит по двору, смотрит, всё ли в порядке. Ведь он хозяин. О нём так и говорят: «Наш хозяин». Ваня думает, что лучше его называть помощником. Он помогает подметать двор, пилить дрова и укладывать их, носит корм курицам и козлёнку. За это его хвалят. А вот если бы Ваня был действительно хозяином, он бы многое переделал. Самое главное, переделал бы весь хлев.

В хлеву четыре отделения. Одно, самое большое, для коровы. Корову зовут Декабринка, родилась в декабре. Другое отделение, поменьше, для телёнка, его зовут Февралик. Ещё в хлеву загородка для кур и совсем маленькое помещение для козлёнка Прыгуна.

Тут многое несправедливо. Ваня ни разу не видел, чтоб корова гуляла по хлеву, она всегда стоит и жуёт. И когда корм дают — стоит, и когда её мама доит — стоит, и когда Коля хлев чистит — тоже стоит. «Хоть бы подвинулась!» — говорит ей Коля, но Декабринка стоит. Ну так вот, если корова всё время стоит, зачем ей такое огромное пространство? Отдайте его телёнку и козлёнку! Они так страдают без простора.

Особенно Ване дорог козлёнок Прыгун. Он, как и попугай, считается Ванечкиным, но, по крайней мере, его кормить разрешают. Этого козлёнка купил сам Ваня. Они ездили с папой в другой посёлок на мотоцикле, там продавали козлят, и Ваня как вцепился в папу, так и не отпускался, пока папа не купил козлёнка. Такого беленького, такого крохотного, такого пушистого, прямо лучше кого угодно. Когда ехали обратно, Ваня сидел в коляске и

держал козлёнка в руках. Он вспоминал сказку про сестрицу Алёнушку и брата Иванушку и думал, что это не козлёнок, а заколдованный мальчик. Вот он расколдуется, и они будут вместе играть.

Но козлёнок не расколдовался, а прыгать сильно любил, прыгал очень высоко. Назвали Прыгуном и заперли в хлев. Запирал его папа. При этом приговаривал так, что Ваня чуть не плакал:

— Отсюда не выпрыгнешь!

В хлеву Прыгун не остался маленьким и пушистым, стал серым и длинноногим. Сосед Санька пришёл его посмотреть и спросил Ваню:

— Он у тебя на ходулях, что ли?

Но этого Саньку лучше не слушать. Он хвастун, он всегда хвастает.

— У нас, — говорит он, — машина, а у вас только мотоцикл.

«Ну и что? — думает Ваня. — Зато на мотоцикле в шлеме ездят, а в машине нет».

Ещё Санька хвастает, что у него отдельная комната.

«Зато у меня дедушка», — думает Ваня.

С Санькой спорить бессмысленно. «Двоечник он, — говорят о нём мама и бабушка, а ты, Ванечка, не связывайся с ним, в школу пойдёшь, учишь хорошо».

Во дворе бегают собаки Буська. Ваня начинает играть с ней, потом помогает дедушке отнести в баню дров на завтра.

Наступает вечер. Приходит мама. Проверяет отметки у Коли, спрашивает, что и как ела Лена, а на Ваню только быстро посмотрела, и всё. Зато папа приносит колесико для тачки, и они мечтают, как летом сделают тачку.

Все садятся и ужинают. Мама и папа говорят о работе. Мама — зоотехник, папа — механизатор.

— Забыли Цезаря! — кричит попугай. — Цезарь красавец!

Но его не забыли. Клетку его завешивают платком, ему пора спать. Пора спать и Лене, и Ване пора спать. А Коле разрешают ещё посидеть.

Наконец-то к Ване приходит мама, гладит его по голове и совсем не строго спрашивает:

— Ты зачем Цезаря кормил? А Буське зачем мясо выносил? Она собака, ей хватит косточки.

— Она хорошая собака.

— Но и хорошей тоже хватит косточки.

— Мама, давай играть.

— Поздно уже, я устала, надо ещё бабушке помочь.

— Ну немножко, ну самый маленький разик. Давай: ты кошка, а я мышка.

— Я — кошка.

— Ой, боюсь-боюсь! А теперь ты — лев, а я — обезьяна.

— Я — львица.

— Ой, боюсь-боюсь! А теперь ты — слон, а я — тигр.

— Я — слон!

— Ой, боюсь-боюсь! А теперь ты — ракета, а я — самолёт.

— Миленький Ванечка, спи. Спи, братец Иванушка. Мне ещё надо к сестрице Алёнушке.

— Ты её больше любишь.

— Я вас всех люблю, — говорит мама, — но Леночка маленькая.

Перед самым сном на минуточку к кровати заглядывает папа, и они говорят о том, что быстрее едет: мотоцикл или машина? Конечно, мотоцикл!

И Коля, выключив телевизор, щёлкает Ваню по лбу. Но совсем небольно. Он хороший, Коля, он сильнее Саньки.

И Ваня засыпает. И уже не слышит, как дедушка поправляет ему подушку, как бабушка подтыкает одеяльце.

Луна потихоньку светит на белый снег и в окно. Она тоже хорошая.

Баня

Суббота. Холодно. Дедушка топит баню. Баня маленькая и старая, дров просит много. Дрова в баню идут берёзовые. Они жаркие. Дым от них густого молочного цвета. Его так много, что он не успевает выйти в трубу, и дедушка распахивает дверь. Ване жалко тепла, но дедушка объясняет, что самый жар не в огне, а в углях и накалённых камнях. Печка в бане сложена из речных камней и называется каменка. Дедушка объясняет, что бане скоро сто лет и что он свой век доживёт с баней.

— А они как хотят, — говорит он.

Близится вечер. Над посёлком встаёт полная красивая луна. Дедушка собирается в баню. Бабушка наказывает, чтоб он не мучил ребёнка. Коля уже слазил на чердак за веником, но в баню не идёт, он моется в ванной.

— Может, и ты не пойдёшь? — спрашивает бабушка Ваню.

— Дело его, — говорит дедушка, но видно, что рад, когда Ваня молча одевается.

И вот они на улице. Морозит. Дедушка сажает Ваню в санки, кладёт ему на колени сумку с бельём и веником; Ваня едет в санках и смотрит, как луна вместе с ними едет над лесом, как санки убегают от своего блестящего следа.

В предбаннике разделись. В саму баню дверь примёрзла, и дедушка ударил её пяткой. Вошли, зажгли свет.

— Привыкай, — сказал дедушка и стал в большом тазу кипятком заваривать веник.

Сразу запахло лесом.

Ваня привык к жаре и хотел мыться, но дедушка не велел мочить голову, зачерпнул ковшом воды и плеснул на каменку. Так рвануло, что отодрало снова примёрзшую дверь. Дедушка придержал её и снова поддал. С потолка закапали холодные капли. Уши у Вани загорелись от жара. Ваня присел, а дедушка полез на полку.

— Ну-ка, ну-ка, солдат, не гнись под огнём, иди на передовую! — позвал дедушка.

Как ни страшно Ване, а виду не подал, тоже полез наверх. Дедушка, жалеючи, немного похлестал его и отправил вниз, а сам принялся бить себя по спине, по бокам, по груди.

Когда Ваня вымылся, то подумал, что сейчас дедушка окатит его и отправит одеваться, но, оказывается, дедушка ещё только-только начал париться, и Ване бросать дедушку никак нельзя — он нужен старому солдату.

Дедушка так поддавал на каменку, она так взрывалась, что баню только чудом не разносило по брёвнышку. А Ванина работа была такая: зачерпывать ковшом воду из бочки у дверей и лить её дедушке на голову. Вверх — вниз, вверх — вниз. Ваня так разогрелся, что и на себя плескал воду, чтоб охладиться. А когда дедушка кричал «Отдохни!», а сам поддавал на каменку, Ваня подползал к дверям и утыкался лбом в обледеневший порог. Лёд под головой таял.

Долго парились. Даже луна сдвинулась, это Ваня заметил, когда оделись и вышли. Дедушка старался по сильнее закутать Ваню, а Ване хотелось бежать по морозу в одной рубашке, вот уж напарился! Зато и чаю они выпили за ужином! Дедушка хвалил Ваню за выносливость. Ваня сидел гордый и, конечно, не сознавался, что ещё немного — и просил бы пощады.

— А дедушка как обольёт меня! — хвалился он перед Колей. — А я хоть бы что!
— С гуся-лебедя вся вода, с нашего Ванечки вся худоба, — добавляла мама.

На печке

Баня и печка вылечивают от всех болезней. Почти от всех. Так считает дедушка. И даже бабушка, всегда несогласная с дедушкой, в этом с ним соглашается.

Простуда лечится так. Ребёнка, и дедушку тоже, поят чаем с мёдом или малиной и посылают на печку, а там ещё укрывают шубой. Потом потного, распаренного ребёнка переодевают в сухое бельё и на руках относят в кровать. Дедушку нести не надо, идёт сам. Вот и всё лечение.

Живот лечится ещё проще. Надо лечь голым животом на горячие кирпичи и терпеть. На животе потом долго остаются отпечатки щечок, а опилки приходится выковыривать.

Но если бы даже печка ничего не лечила, Ваня всё равно бы любил её. На ней всегда хорошо. Ваня сидит на печке и выдумывает про себя, что он — Емеля и что его печка может сама ездить по улицам.

— Разве можно было такую красоту ломать? — спрашивает дедушка.

Это он о соседях, о Санькиных родителях. Они сломали печку, перешли на паровое отопление. У них в избе пусто.

В дальних углах печи стоят старые валенки. Их не выбрасывают. В них осенью кладут помидоры, не успевшие вызреть на грядке. В огороде у помидоров скорее краснеет серединка, а в валенках — поверхность. Ваня раз по пять, по десять тревожит помидоры, проверяет, не покраснели ли. Иногда съедает и жёлтыми.

Зимой на печке сушатся валенки. Вечером их забрасывают, а потом Коля или чаще Ваня залезают на печку и расставляют. В середину ставятся высокие, толстые валенки отца и короткие, огромные валенки дедушки, а по бокам лепятся валенки поменьше. Если днём пилили дрова, то на валенках остаются опилки и на печке пахнет смолой. Мамины выходные валенки-чёсанки всегда чистые и аккуратные, а бабушкины грязные, подшитые. Их сушат отдельно. В них бабушка ходит в хлев.

Иногда зимой бывает такой счастливый вечер, когда они почти всей семьёй собираются на печке и читают вслух.

Читает Коля. Читать вслух полезно, считает бабушка. Но если что-то Коля прочёл заранее, то вредничает, торопится, пропускает слова. Ему неинтересно. А Ваня — наоборот, он может много-много раз слушать то, что понравилось. Выучивает наизусть, берёт в руки книжку и как будто бы читает: «Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!»

Верб

Весной самой первой среди кустов и деревьев зацветает верба. Ваня долго не мог привыкнуть, что её называют по-разному: ива, ветла, раkitник, тальник, краснотал... А это всё верба. Мальчишки лезут за ней по ещё глубокому снегу. Наламывают полные руки и тащат домой. В другой бы раз мама ругала за мокрую обувь и одежду, а тут нет. Она берёт веточку, на которой сидят крохотные серенькие зайчики, и проводит ею по ладошке, по щеке.

Веточки ставят в стеклянный кувшинчик, а кувшинчик на столик под иконами. Вскоре вербные серёжки становятся пушистыми, желтеют и, осыпаясь, золотят столик.

Этой весной и Ваня ходил за вербой. Весна взялась разом, таяло дружно. По улицам неслись просторные быстрые ручьи. Ребята бросали в ручей щепочки и бежали рядом, следя, чей корабль плывёт быстрее.

Потом ручьи измельчали и вовсе пересохли. Зеленеющие заречные луга дымились под солнцем.

— Скоро дикий лук вырастет, — мечтали ребята.

Весной они досыта наедались сиверихи — нежных, покрытых жёлтыми лепесточками, сосновых зародышей. И вообще, кажется, весной ребята ничего и не ели, кроме этих шишечек, да дикого лука, да хвоща, и ничего, кажется, не пили, кроме берёзового сока.

Вербные веточки не выбрасывали так просто. Они очень живучие, и их втыкали во влажную землю на берегу. Другими веточками выгоняли в поле коров. Дедушка сказал, что таков старый крестьянский обычай.

А ещё бывала забава, про которую дедушка сказал, что она тоже очень древняя и что они тоже так в детстве играли, эта забава — в шутку стегать друг друга вербой. И при этом кричать:

— *Вербохлѣст — бей до слѣз!*

— *Верба бела бѣт за дело!*

— *Верба красна бѣт напрасно!*

Земля высыхала и становилась тёплой.

На рыбалке

Ваня давно просился на рыбалку, но Коля не брал. А тут даже мама вступилась и велела Коле взять брата.

Когда они вечером копали червей на задворках, Коля сказал:

— Всё равно ведь проспишь. Или вставать не захочешь.

И вправду, разбудили рано-рано. Все в доме, кроме Лены, были на ногах. Ваня как представил, что сейчас надо вылезать из-под одеяла и идти на улицу, затосковал.

— Лучше бы ты не ходил, — стала говорить бабушка.

— Как это лучше? — закричал дедушка. — Что это за парень, ни разу не рыбачил?!

— А я собираюсь пироги печь, — сообщила хитрая бабушка.

Ещё бы немного поугovarивали Ваню, и он бы, может, остался, но тут и Коля стал говорить, чтоб Ваня спал дальше, и Ваня из упрямства быстро собрался. Вот только босиком идти ему не позволили.

Вышли за околицу. Тут ждали Колины друзья.

— Этого-то зачем взял? — спросил Санька о Ване.

— На червяков плевать, — ответил Коля.

— Ну смотри, к мамочке не просись, — сказал Санька и стал насвистывать.

Насвистывал он ловко, весёлую маршевую музыку. Под неё шагалось быстрее. Дорога отпотела за ночь, и на глине ноги скользили. Впереди и сзади стоял туман, а там, где шли ребята, его не было. Эх и ловко свистел Санька! Ваня торопился сзади, подпрыгивал, чтоб не отстать, и тоже старался посвистеть. Но как ни складывал губы, как ни дул, не получалось.

На берегу Коля дал брату удочку, велел насаживать червяка. Но Ване было жалко прокалывать крючком живое, да он и не умел насаживать червяка, только палец поранил.

— Я лучше буду дрова для костра собирать, — сказал он.

Мальчишки расселись по обрыву и забросили удочки. Ни у кого не клевало. Только у Саньки рыбы стянули червяка, и он насадил нового.

— Ванька! — позвал он. — Ну-ка, поплуй!

Ване что, подошёл, да и плюнул.

Санька забросил и... поплавок у него сразу дёрнулся. Санька потащил, вода взбурлила, и в воздухе засверкала рыбка.

Кто охнул завистливо, кто восхищённо, кто и вовсе отвернулся, а Санька торопливо наживлял крючок.

— Ванечка, друг любезный, плюнь на червячка!

Ваня поплевал.

И Санька опять поймал!

Тут и Коля и все остальные велели Ване плевать на их червяков. Ваня бегал по берегу и плевал. Но скоро во рту у него пересохло, и мальчишки отступились.

Ваня ходил и собирал сучья и щепки. И учился свистеть. Вышло и стало греть солнышко. Туман разошёлся, река заблестела. Поплавки стало плохо видно, глаза резало.

И вдруг у Вани получилось свистнуть.

Он обрадовался и, чтобы не забыть, как свистят, стал свистеть сильнее.

— Перестань! — закричали на него. — Рыбу распугаешь, нельзя!

Ваня отбежал подальше и всё равно свистел, чтоб не разучиться. У всех ребят перестало клевать. Разожгли костёр и стали считать, кто сколько поймал. Санька хвастался, что он ловил просто так, что у них дома рыбы полный холодильник. Но хоть и хвастался, а рыбу свою никому не отдал.

Потом стали прыгать через костёр, а потом купаться. Ване купаться не разрешили, посадили около одежды. Ваня поймал божью коровку и спрашивает её: «Божья коровка, дождь или ведро?» Божья коровка ползла по руке и никуда от Вани не летела.

Березовые веники

Взрослые считали, что ломать веники — это забава. Так и говорили:

— Веников бы от нечего делать наломали. Всё равно собак гоняете.

И вот ребята отправлялись за вениками. Лес рядом, и берёзовые ветки можно было принести в руках, но разве настоящий мальчишка обойдётся без техники? За вениками не шли, а ехали. У всех были тачки, и у Коли и Вани тоже. Конечно, кто не знал, сказал бы, что тачка у них плохая. С одним колесом, да и оно болтается на оси, как баранка. Но ведь тачку они делали сами! Папе всё время было некогда, и братья сколотили тачку вдвоём. Ваня выпрямлял гвозди. Конечно, Санька и тут нашёл, что сказать. Он сказал, что сейчас гвозди выпрямляют только дураки, что в магазине их полно любого размера. Но дедушка сказал, что скупость и бережливость — вещи разные, и если гвоздь ещё может послужить, за что его выбрасывать? Гвоздь и сделан для того, чтоб что-то с чем-то скреплять, а не валяться на дороге. И Ваня выпрямлял гвозди. Попало молотком и по пальцам, но Ваня не признался.

Сейчас Ваня гордо катил свою тачку по твёрдой тропинке среди зеленеющей ржи.

Веники ломали не подряд. Чтoб не портить берёзок, отламывали только боковые ветки, и ни в коем случае не верхинку. Скоро стали увязывать. Ванины ветки брат хотел забраковать — очень маленькие, но Ваня взял их с собой. И правильно сделал.

Дома, во дворе, бабушка стала вязать веники. Она брала прутик, очищала его нижнюю часть от листьев и прикладывала к другим. Когда прутиков становилось много, бабушка брала всю кучку и сжимала её, проверяя, не пора ли завязывать. Если было пора, отдирали от лыка мочалышко и, перекрутив его для крепости, стягивала им ручку веника. Веники связывала попарно. Послала Ваню за дедушкой. Дедушка топором обровнял ручки у веников.

— А эти, братец Иванушка, — решил дедушка, — ты обровняй сам. Ведь это ты ломал, твои.

Он говорил о маленьких веничках, сделанных из Ваниных прутиков. Ваня размахнулся топором и... ткнул по колоде. Но потом перехватил топор, наметил удар и подровнял веники как надо.

Веники они с Колей унесли на чердак. Дальнейшую их судьбу Ваня знал.

Веники скоро высохнут, станут шуршащими. Зимой их осторожно, чтобы не поломать, снимут с чердака и понесут в баню. После бани выпаренным веником будут подметать пол в доме. Листья веника постепенно опадут, и веник превратится в голик и переедет в сени. А его место в избе займёт другой, побывавший в бане. Голик переедет в сени не отдыхать — работать: подметать сени. Через неделю голик, истрёпанный, исхудавший, будет вынесен на крыльцо — обметать снег с валенок. А уж потом голик положат перед крыльцом — ошаркивать о него подошвы обуви. А потом он куда-то разлетится по пруту.

Растем

Летом многое переменилось во дворе. Увели в колхозное стадо телёнка Февралика. Но это-то не беда, ему там хорошо и его можно увидеть. А вот Цезарь улетел совсем. Виновата Лена. Она выпросила клетку с попугаем погулять, а во дворе открыла дверцу. Она говорила, что открыла её, чтобы Цезарь подышал свежим воздухом. Как будто воздух не проникал сквозь прутья. И Цезарь улетел. И не вернулся. Где он теперь? Кому он кричит, что его забыли, что он красавец, чтоб на него посмотрели? Понимают ли его лесные птицы?

А вот козлёнок Прыгун, хоть и убегает со двора, но молодец — всегда вернётся. Он пролезает в любую дырку, он очень хитрый. Он убегает пастись в дальние огороды, свой не трогает. Возвращается довольный. Бывают за ним и погони, но Прыгуна не догнать.

С Буськой у Прыгуна плохие отношения. Когда Буська лает, Прыгун выставляет на неё крепкие, растущие рожки. Так проходит несколько минут, потом Буська и Прыгун расходятся, каждый считает себя победителем.

Прыгун весь избегался, исхудал, и вредный Санька стал звать его Скелетом. Мало того, он даже звал его Барабанная шкура. Самое горькое, что Прыгун откликнулся на эти прозвища. А на собственное имя отзываться перестал. Уж как Ваня ни кричал, козлёнок уходил играть с Санькой. Буська при этом радовалась, она подбегала и валилась на траву кверху лапами, чтоб с ней поиграли. Но Ване хотелось играть вместе со всеми.

Однажды Ваня стоял во дворе и смотрел на небо, а Прыгун разбежался сзади и ка-а-к поддаст Ване под колени, Ваня даже на него верхом сел, а Прыгун и рад-радехонек. Встал Ваня на ноги, не рассердился на Прыгуна, а изумился: и это тот самый козлёнок, который умещался в мотоциклетном шлеме, которого Ваня таскал на руках? Неужели это он? Ну конечно! Попробовал Ваня поднять Прыгуна на руки, тот прямо сам на руки скачет, а поднять его тяжело. И всего за полгода? Вот это растёт!

Смотрит Ваня вокруг — все растут. Цыплята давно ли вылупились, а уже гребешки обозначились и уже стараются петь как петухи. Кролики у Саньки такие толстые, еле по двору перешлёпываются. Всю капусту соседей съели. О телёнке Февралике можно и не говорить, это просто бык. А давно ли этот Февралик родился? В феврале. Давно ли Ваня кормил его из соски, давно ли Февралик топал ножками так, что Ваня думал, что это оленёнок Серебряное копытце из сказки. Казалось, телёночек сейчас топнет ножкой — и из-под копытец вылетят разноцветные искры. Давно ли Ваня смотрел в глаза телёнку и думал, что телёнок видит больше, чем он, потому что глаза у телёнка большие. Да, давно ли!

А деревья? У тополя листья больше, чем Ванины ладошки, а давно ли были одни липучие почки. А уж лопухи! Такие огромные, что под ними в жару прячется Буська, а недавно Алёнушка заблудилась. Но и Алёнушка растёт. Дедушка ей делает новую кровать. И Коля растёт, мама с папой говорят, что к осени ему нужна новая форма, из прежней вырос.

Всё растёт, всё. Огурцы давно ли были с ноготок мизинца, а теперь сорвёшь — и в кармане заметно. Морковь растёт, давно ли были мышинные хвостики, а теперь потянешь за ботву — и она отрывается: такая большая морковка в земле.

Что и говорить, всё растёт, и все растут, все! Кроме Вани. Ваня не растёт, застрял. Застрял на одном месте. Вот беда так беда!

Пошёл Ваня к бабушке:

— Бабушка, чего это я совсем не расту?

— А ты ешь лучше, — ответила бабушка, — вот и все дела. И будешь расти.

Смотри, как Коля молотит, скоро отца перерастёт. Деда уж перерос.

— А дедушка плохо ест?

— Он всю жизнь плохо ел.

— А как же тогда вырос?

Бабушка засмеялась.

— Бабушка, дай мне поесть.

— Поешь, миленький, поешь. А чего тебе дать?

— Чтобы я вырос.

— Возьми хлебушка кусочек.

— Отрежь мне большой-большой!

Бабушка отрезала Ване большущий кусок ржаного хлеба. А ещё разрезала свежий огурец и полила мёдом. Огурец Ваня съел, не отходя от бабушки, а с куском хлеба вышел во двор. Посмотрел на кусок, сел на лавку и стал есть. Ел, ел. Подошёл дедушка, спросил:

— Чего больно маленький ломоть-то взял?

Ваня поделился с дедушкой, отщипнул кусочек. Подошли к Ване курицы и петухи. Ваня и им покрошил хлебца. Подошёл Прыгун. И его Ваня угостил. Тут пришла пора Декабринку из стада встречать. Ей Ваня скормил оставшийся кусочек хлеба.

— Растите все, — говорил добрый Ваня, — растите большими, а я уж как-нибудь.

Родник

Дорогу на сенокос Ваня знал. Он, конечно, ещё не косил, но помогал растрясать скошенную траву, чтоб быстрее сохла. В этот день косили допоздна, но Ваню ночевать не оставили, отправили с колхозным конюхом. К ночи приехали мама и папа, чтоб косить с раннего утра, и наказали Ване привезти молока от утренней дойки. Они жалели, что Коля уехал в пионерский лагерь, вот бы пригодился. Но Ваня сказал, что привезёт не хуже Коли.

Утром бабушка налила полную бутылку парного молока, положила в сумку малосольных огурцов, ватрушек и даже молодой сваренной картошки. Ведь бабушка думала, что Ваня поедет на луга с конюхом.

Ваня пришёл с сумкой на конный двор, а оказалось, что конюха послали возить молоко с летней фермы. Как быть? Ведь мама, и папа, и дедушка ждут Ваню. «Дорога знакомая, не заблужусь», — решил Ваня.

И пошагал. Он шагал и кричал песню, которую слышал по радио:

Над полями да над чистыми

Ветер птицею летит.

И серебряными искрами

Поле ровное блестит,

Ну звончей, звончей, бубенчики...

А иногда он замолкал, и ему казалось, что за кустами кто-то сидит и за ним наблюдает. Тогда Ваня старался идти быстрее и даже виду не показывать, что боится. Но с сумкой было тяжело. Ване очень хотелось поесть ватрушки, но он себе так на это говорил: «Не садись на пенёк, не ешь пирожок!» А когда совсем уставал и руки вытягивало сумкой, то воображал,

что он разведчик, идёт в лес к партизанам и несёт патроны и продовольствие. И шагал веселее.

В одном месте Ваня спрямил дорогу, прошёл по тропинке, а не по дороге. По прямашке было ближе, но пришлось переходить через ручей по брёвнышку. Тяжёлая сумка перевесила, и Ваня сорвался. Он ничуть не ушибся, только сумка попала в воду. Огурцам и бутылки с молоком ничего, а ватрушки подмокли. Ваня разложил их на солнышке сушиться, но они не сохли. Тогда Ваня обьел мокрые края и пошёл дальше.

Бедная мама все глаза проглядела, Ваню дожидаячи. Всего исцеловала, а когда узнала, что Ваня один пришёл, заплакала. А Ваня боялся, что его будут за мокрые ватрушки ругать.

Сели завтракать, а потом снова принялись косить. Ваня увидел, как много прибавилось скошенного по сравнению со вчерашним. Он разбрасывал увядающую срезанную траву, потом ходил за водой к роднику и помогал маме готовить обед.

Солнце уже сильно жарило, и мама велела звать косарей. Ваня побежал, а они уже сами шли навстречу, несли Ване подарки: бабушка — букетик земляники, а папа — кисточки красной смородины, а ещё свежих листьев чёрной смородины на заварку.

Несмотря на жару, сильно донимали комары и пауты. Ваня то хлопывал себя веткой черёмухи, то старался попасть под дым костра. Он удивлялся, почему это кусают только его. Почему?

— Ты у нас самый сладкий, — объяснила мама.

Сидели на свежем душистом сене. После обеда папа не дал маме мыть посуду, помыл сам. Дедушка сел вырезать Ване палочку, а мама прилегла отдохнуть. И сразу заснула.

— Ещё бы не устать, — тихо сказал дедушка, — вчера до темноты косили, а сегодня раньше солнышка начали. Твоя мама косит так, что не угонишься.

Ваня поглядел на маму и вдруг понял, что впервые видит её спящей. Он сел рядышком и стал отгонять от маминого лица комаров. А скоро и его самого сморило. Он слышал, как дедушка потихоньку положил его на мягкое сено, как вернулся папа и они с бабушкой говорили о том, что Ваня сам принёс молоко и ватрушки.

Скоро Ваня то ли заснул, то ли ему всё так ясно представлялось, но он видел снова дорогу, по которой шёл, кусты и деревья, и слышал, как ветер шумит вверху, потом он как будто взлетал над деревьями, выше всех, и видел всех сверху.

Сестрицу Алёнушку видел, и бабушку видел, которая сестрице расчёсывала светлые волосы. Видел брата Колю, который в лагере с настоящим автоматом играл в военную игру «Зарница». Видел, как папа едет на тракторе по полям, видел, как мама склоняется над заболевшим телёнком. Видел, как дедушка делает ульи для пчёл и кроватку для Алёнушки. Видел, как белый дым поднимается над старенькой баней. Видел, как Санька бежит по огороду за кроликами, а козлёнок Прыгун бросается ему под ноги. Видел попугая Цезаря в лесу. Цезарь говорил с дятлами, и они понимали друг друга...

Ваня открыл глаза. Он был один у костра, под маминым платком. Вскочил и побежал на звук звенящих кос.

— Берегись, пятки обкошу! — весело кричала мама на папу и дедушку.

Увидев Ваню, остановилась, пригладила ему волосы и попросила сходить с чайником к роднику.

— Попьём чаю и пойдём домой.

Казалось, что в роднике тёмная вода, но нет, вода была чистойшая, это на дне были тёмные листья, и родник был, как зеркало.

Ваня встал на колени, напился, а потом долго смотрел на себя, на свои серьёзные глаза, на длинные ресницы, на курносый нос, большие уши и остренький подбородок. Ване говорили, что он красивый, и Ваня решил, что это правильно.

Вдруг зеркало родника качнулось, будто качнулась вся земля, ведь ветра не было. И Ванино изображение плеснулось и смешалось с изображением листьев, деревьев и неба.

Ваня вскочил и громко крикнул:

— Эй! Эй! Это я кричу! Я, братец Иванушка! Эй! Вы слышите меня?

Деревья зашумели над Ваней. Зашумели совсем по-разному: весело плескались длинные ветви берёзы, радостно хлопала серебряными ладошками листьев осина, гудела ель, а самое высокое из всех деревьев — сосна — напряжённо звучала всем стволом, это она приносила звук сверху, с самого неба.

Ваня потрогал ладошкой деревья.

— А я иду к маме и папе, — сказал он. — Я им воду несу. Они пить хотят. А потом мы домой пойдём. А я ещё к вам приду. Вот вырасту большой и приду. Вы ждите меня, никуда не уходите, ладно?

«Я помню»

Первый это Коля заметил. Он заметил, что Ваня стал говорить слова: «Я помню...»

— Воспоминатель! Шести лет не прожил, а уж чего-то помнишь.

— Да, помню, — твёрдо отвечал Ваня. — Много и про тебя помню. А будешь смеяться, то хорошее про тебя не буду помнить, а плохое буду.

И в самом деле, Ваня многое помнил. Улетевшего попугая, козлёнка, когда тот был маленьким. И телёнка. И огромного кота Обормота он помнил ещё слепым котёнком. Значит, и его они помнили другим.

— Каким я был? — приставал Ваня к взрослым.

— Вот таким, — отвечали они, показывая руками, как рыбаки показывают размер пойманной рыбы.

Один папа понимал Ваню. Он подводил его к дверному косяку, прислонял затылком и отмечал рост карандашом. Писал дату. И Ваня сам по этим отметкам видел, что дело идёт к лучшему. Но Колины зарубки на косяке были гораздо выше.

Когда Ваня оставался один, он мечтал. Мечта была одна — скорее стать большим. Об этой мечте Ваня рассказал папе.

— Не торопись, успеешь, — ответил отец. — Но скажи, зачем ты хочешь быть большим?

— Вот я вырасту и залезу на самое высокое дерево!

— А зачем?

— И далеко-далеко увижу.

— Ну хорошо. А ещё зачем?

— А ещё я пойду и убью самого-самого страшного зверя.

— Теперь уж и зверей-то всех охраняют.

— Нет, про этого никто не знает, только я. Вот я расту, и он растёт. И мы оба вырастем и встретимся.

— Давай тогда тренироваться, — говорил папа.

И они начинали бороться.

Плохо без друзей

Ваня провинился. С мальчишками постарше он попал в опасную игру. Они закатывали на пригорок толстую шину от грузовика. Потом кто-нибудь залезал внутрь, корчился там, упирался руками и ногами, и шину отпускали вниз, по склону. Только пыль летела из-под колеса. А мальчишка внутри крутился, как ось колеса. И вот Ваню поддразнили, что он трусит и не сумеет так проехать. Ваня не стерпел насмешки и полез в колесо. Там, замирая от страха, согнулся и скомандовал: «Давай!»

Голова поехала вниз, ноги вверх, потом всё замелькало, колесо подпрыгивало на ухабах и, наконец, упало набок. Ваня вылез из него, и земля ушла из-под ног. Он упал. Упёрся руками и поднялся. Земля ходила под ногами, как лодка. Ваня снова упал. Земля будто качала его.

Это видели взрослые и сказали маме. Ваня был наказан.

Ваня молча высидел день. Какой был длинный день! Когда отец пришёл с работы, Ваня горько сказал:

— Плохо без друзей.

— Давай я тебе буду другом.

— Ты не друг, ты папа.

— Давай я буду и папой и другом.

— Давай!.. Нет, ты не сумеешь. Если друг, тогда надо всё поровну. А ты же в колесе не прокатишься.

— Вот видишь, значит, маленькому лучше.

— Нет, хуже. Взрослых не наказывают.

— Они сами себя наказывают. Тебе мама говорила: «Наказание моё»? Ты для неё наказание.

— Как это?

— А вот подумай.

И Ваня стал думать.

Фамилия

Сидели, пили чай. Вдруг мама, оглядев застолье, заметила:

— Редкость какая — вся семья в сборе.

А брат Коля перед ужином учил немецкий язык и сказал, что семья по-немецки будет «**фамилия**».

— А у нас какая фамилия? — спросил Ваня.

— Как какая? Ты что, не знаешь? Державины.

— А вот и нет! — воскликнул хитро Ваня. — У нас у всех разные фамилии. Мы с дедушкой топили баню, были Банниковы. А бабушка вязала носки, она была Вязалкина. А теперь дедушка будет газету читать, он будет Газеткин. А Коля — Учебников и Батарейкин.

Все засмеялись, а мама спросила, какая у неё фамилия и у папы.

— Ты была Кухонькина, а на работе Коровкина. А папа — Работников. А Лена просто Дочкина и Внучкина.

— Так и ты Внучкин.

— Нет, я же Игрушкин. Я же играю. Днём же я играю. Был Самокатов, а бабушка была Тыквина и Морковина.

— Хитрый! — сказал Коля. — Значит, когда ты у меня в тетради домик нарисовал, это не ты рисовал, а Карандашин?

— Да, это не я, а он.

— Но где мне его увидеть, мне надо ему уши надрать, где он?

Игра в фамилии продолжалась целый вечер. Даже дедушка отложил газету и по пальцам пересчитал, каких только фамилий у него не было за день: Пчеловодов, Топоров, Дровосеков, Печников (это он в печи глиной щели замазывал, значит, ещё и Землекоповым был, Лопатовым, Глининым), ещё был Столяровым...

— Ещё Водоносным, — напомнила бабушка. — Ещё Скотинин, за скотиной ходил.

— Тогда уж не Скотинин, а по отдельности: Овечкин, Свиньин, Петухов, Курочкин, Гусев, Уткин...

У всех набралось помногу фамилий.

У папы: Тракторов, Комбайнов, Гайкин, Винтиков, Шурупов, Прицепин, Фрезеровщиков, Сварщиков, Ременников... всё, связанное с ремонтом и обслуживанием техники.

У Лены тоже набралось вдоволь разных Ленточкиных, Тряпочкиных.

И у бабушки фамилий было больше десятка: Печкина, Вьюшкина, Заслонкина, Ухватова, Сквородникова, Чугунова, Пирогова, Горшкова, Ведерникова, Огнева, Загнетина... Это если она в кухне только. А если во двор выйти, в сени даже — Сенникова, Поленова, Рукомойникова, Огородникова и так бесконечно.

А ещё у них были общие фамилии: ели жареную картошку — и все опять были Картошкины, пили чай — были Чайниковы... Потом Лена стала зевать, и её назвали Сонькиной.

Засыпал в тот день Ваня долго, всё новые фамилии придумывал.

Ваню ругают

Бывают дни, когда человеку не везёт. Но это можно пережить. Не везёт сегодня, повезёт завтра. А бывают дни, когда человека все ругают. Вот тут-то как быть? Первой за Ваню взялась бабушка.

— Все с ног от усталости валятся, а ещё и ты под ногами. Ты что, работы не видишь? Цветы можно полить? Можно! Полено дров можно принести? Можно!

— Я принесу и полью, — ответил Ваня.

Но не мог же он сразу переключиться на другое дело? Он сидел на полу и выкручивал болтик из машины.

— От него дождёшься, — подал голос старший брат. — Я уж на него ни в чём не надеюсь. Взял карандаш — сломал. Взял резинку — где она? Съел, что ли?

— Не брал я твою резинку.

— А куда она делась? Если не взял, так покажи её. Покажи!

Тут и сестрица вылезла в переднюю.

— А вот ты, Ванька, не дал мне мела на полу рисовать, а сам раскрошил.

— Я буквы писал.

— Ишь как! — воскликнул старший брат. — Грамотным хочешь быть, а ей нельзя? Что ж ей, всю жизнь в темноте прожить? Так думаешь, да?

— Вовсе я не думаю, — защищался Ваня, но бабушка и эти слова использовала.

— А думал бы, так бы не поступал!

Тут пришли родители и тоже взялись за Ваню.

— Ванюша, ты что ж это обувь разбросал и грязную оставил? Другие бы не только свою, но и остальных прибрали. Видишь, все заняты, надо помогать. Коля занимается, Лена маленькая, мы работаем, бабушка с вами измучилась...

И даже дедушка, самый верный человек, предал Ваню. Он заявил:

— Нынче молодёжь вся такая, ей работу надо показывать. А пока укажешь, так лучше сам сто раз сделаешь. А они на это и надеются.

И никто, никто не понял, как горько Ване, как он изо всех сил скрепился, промолчал, а вскоре потихоньку вышел в сени. «Дверь-то скрипит, — подумал он, — могли бы и смазать. Это-то мне не под силу». Обувь была уже расставлена, да если бы и не была, Ваня бы из упрямства не стал её расставлять. «Конечно, — думал Ваня, — я бы не переломился, но зачем же они все на меня, на маленького? А сами? И дверь у них скрипит, а вон и ступенька расшаталась. А вон и дождевик не на месте болтается. Сами-то, эх!»

Но тут Ваня честно признался себе, что они правы, что дождевик висит не просто так, а на сквозняке, сушится. Глазам стало горячо, он замигал и понял, что сейчас заплачет. Но он не хотел, чтобы слёзы его видели, залез в чулан, лёг там на мешки с зерном и решил

пореветь вдоволь. «Вот умру, — думал он, — вот перестану дышать, так сразу узнаете, да поздно будет, вот так вот!»

Но тут слёзы исчезли, и Ваня просто стал думать. Только думалось совсем иначе, без обиды на старших, наоборот, Ваня вспоминал не про их, а про свои поступки. Давно ли он тайком съел большую конфету и не признался? Давно ли бабушка велела ему нести на помойку ведро с ополосками, а он не дотащил до помойки, выплеснул под забором? Ваня вспомнил, как он плохо умывается, только для виду, как он не любил причёсываться, как столкнул с подоконника горшок с цветком. И окончательно решил, что он плохой, что старшие правильно его ругают, что жить так дальше нельзя. Но что делать?

Дела

Выйдя на крыльцо, Ваня увидел беспорядок: не на месте лежал топор. «Кто оставил? Ведь небось дедушка. А дождь пойдёт — топор и заржавеет. Вот возьму и ещё дальше отброшу! Будет знать порядок, а не только от других требовать». Но топор был ни при чём, и это Ваня признал. Он положил топор на место и хотел идти упрекнуть дедушку, но раздумал.

Во дворе сразу бросилось в глаза, что калитка в огород настезь. А куры? Это ведь такой народ, что пойдут и все гряды изроют. И прощай, урожай! А зимой что есть? Кто не закрыл калитку? Конечно, кто угодно, только не Ваня. Ничего, Ваня не гордый, он закроет, он и чужую ошибку поправит, никого не упрекнёт.

Закрыл Ваня калитку, осмотрелся вокруг себя: батюшки, сколько работы! Вода в корыте у крыльца грязная, пора чистой налить. Куры, ох, эти куры, расшвыряли грудку свекольной ботвы, всё извозили своими лапами. Теперь эту ботву надо промыть и отнести в кормушку корове. В хлеву поросёнок жалобно хрюкает — тоже ведь живое существо. Сами-то они небось чай с пряниками пьют, а поросёнок хоть помирай, так, что ли, получается? Поленица перекосилась, вот-вот завалится, это кто-нибудь видит? Хотя, по правде, в перекосе поленицы виноват Ваня, он по ней лез на сарай. Причём лез без спросу — там сушились шляпы подсолнухов. Ох-хо-хо, теперь эту поленицу за полдня не поправишь. Придётся Колю просить, а Коля поймёт, с чего она дала перекося. Пусть так, может, не заметят. Тем более, большую печь начнут топить, всё равно всё в неё, как в прорву, уйдёт. Так бабушка говорит. И какая разница, из какой поленицы дрова, лишь бы не сырые. Конечно, когда поленица аккуратная, то красиво. Что делать? Уж совсем Ваня решил приступить к работе, как заметил, что ему есть чем заняться попроще — у колодца крышка не лежала сверху, а стояла сбоку, на земле.

Ваня положил крышку на место. Всё бы ладно, только вляпался в грязь. И вспомнил, как бабушка давно просила Колю прокопать канавку от колодца в большую уличную канаву, чтоб вода стекала. «И так-то тут вода, а дожди пойдут, так и вовсе как в болоте будем сидеть». А что Коля ответил? Их любимый? Он ответил: «Вот и хорошо, поквакаем». Конечно, тогда и Ваня смеялся, восхищённый старшим братом: поквакаем! Но теперь было несмешно.

Ваня отмыл ботинок и сел на брёвнышке. Вот и двор пора подметать. Вот и метла стоит на своём месте. Но, с другой стороны, подметёт он двор, а тот снова загрязнится. Опять подметать? Так и жизнь пройдёт. Нет, надо что-то решать.

Но ничего Ваня не решил. А ещё одно доброе дело сделал — дверку почтового ящика закрыл, а то она болталась и поскрипывала. «Это я молодец, — думал Ваня, — ведь могло бы прийти письмо и шлёпнуться на землю, а тут будет лежать в сухом и прохладном месте».

—Ваня! — закричали из окна. — Что ж ты за стол не садишься? Иди!

В избе Ваня ожидал ехидных и обидных слов о том, что он обед не заработал, и заранее решил, что если упрекнут, то он знает, что сказать, он каждому укажет на его недоработки. Но за столом шли другие разговоры.

— Доярки просто разрываются, — говорила мама. — Молоко идёт хорошее, по три дойки в день. Возчика послали возить горючее к комбайнам, сами на сепаратор возим, сами за зеленью ездим, да ещё председатель просил: не сможем ли мы трёх человек на зерносушилку выделить. Прямо беда!

— Страда, — говорил дедушка.

— У нас не легче, — говорил отец. — Станок фрезерный старый, канавки в валах распатанные, шплинты летят, кузницу заказами завалили. Кузнец прямо там и ночует.

— Страда, одно слово, — говорил дедушка. — Всем достаётся — и старым и малым. Вон и школьники ходят на помощь.

— Когда не дождь, так мы с радостью, — говорил Коля. — Картошки напечём. А вечером зажигаем берёсту, и она горит и по воде плавёт.

— Я тоже хочу смотреть огонёк, — попросилась Лена.

— Мы с тобой маленькие, — сказал ей Ваня, — мы должны дома помогать.

«Бросишь хлеб – и хлеб тебя бросит»

На время уборки в посёлке создавали детский сад. Вернее, не создавали, он всегда был. Но зимой в нём было почти пусто, ребят разбирали по домам, а летом, когда работы на земле прибавлялось, то маленьких детей приходилось вести в сад. Так было и в прошлом году. Ваня помнил, как мучился целый день без мамы и папы, как сидел в углу и ничего не ел, только просил пить.

Нынче Ваня пошёл в детсад легче: подрос, да и были в группе знакомые мальчики. К тому же, надо было пожалеть Алёнушку, она пошла впервые, в младшую группу, которую детсадовцы прозвали «малышовкой». Ваня просил, чтобы в первые дни сестре и ему разрешили быть вместе, и это позволили.

Забирали их из детсада поздно. Один раз они с Леной остались одни в группе. Нянька мыла посуду и громко зевала, говоря, что она ещё и сторож и что ей никакого покою нет. Вся группа была завалена игрушками, можно было играть и в машиниста, и в моряка, и в продавца, но ни во что не игралось. Канарейка была в клетке, но и она не чирикала. Рыбки жили в аквариуме, и те уплыли, когда Ваня и Лена стали их рассматривать. Решили сложить картинки, разрезанные на квадратики, чтобы вышла одна большая картина, но квадратиков не хватило, и дети не могли ничем заняться, хотели домой.

Вдруг быстрые твёрдые шаги раздались под окном. Такая походка могла быть только у одного человека на всём свете — у папы. Лена полетела в прихожую, и Ваня дёрнулся, но вдруг задержался и сел на скамейку, будто и вовсе не рад.

И вот то они сильно спешили домой, а то никуда не захотелось спешить, стали просить отца погулять. Взяли его за руки с двух сторон и тормозили, а он торопился и думал своё, только спросил, слушались ли они в саду.

Надо было идти мимо больницы, и Ваня стал мечтать, чтобы ему заболеть и сидеть дома, а не ходить в детский сад. Водили бы его на прогревание. И вдруг он увидел, что между магазином и больницей горит костёр.

— Ой, — закричал он, — прогревание включили, идём скорее!

У костра они увидели птиц. Лена их первая заметила.

— Голуби и воробьи уже прилетели на прогревание!

— Что это? – вдруг спросил отец.

Видно было, что голуби бросались прямо в огонь. Искры взлетали от ветра крыльев. В чём дело? Они подошли ближе и поняли, почему так. В костре лежал обгорающий белый каравай хлеба.

— До чего дожили, — сказал отец.

Он ступил в огонь, достал горячий хлеб, разломил. Из середины разлома вылетело облачко пара.

Обжигаясь, они стали крошить хлеб птицам. Голуби, воробьи и синицы, как курицы с цыплятами, паслись у них под ногами.

— И кто же это бросил? — спросил отец.

Они стояли у огня, а отец говорил:

— Вот бы того, кто бросил, заставить хлеб вырастить от зёрнышка. Весь бы путь пройти. Вспахать, посеять. Ладно бы в городе, хоть и там это тоже нехорошо, но здесь-то! Ведь видят же, как люди по ночам пахнут, в пыли, в грязи, земля на зубах хрустит. Да ещё надо вырастить. А если сплошь дожди или, наоборот, засуха? А сжать, обмолотить, просушить, проветрить, смолоть в муку, это сколько работы? А хлеб испечь? Растворить, замесить, выдержать, каравай сделать, печь вытопить? Да ведь на всё про всё умение, и время, и руки, — труд какой огромный! И вдруг в огонь? Ну как же это так? Мне ещё дед говорил: запомни навсегда пословицу: «Бросишь хлеб, и хлеб тебя бросит».

Птицы доклевали крошки и улетели.

Костёр догорел.

Они пошли домой.

Солнце встает

В детсад ведут рано, особо не разспишься. И вот интересно: когда в детсад идти не надо, Ваня вскакивает чуть ли не раньше всех, ну, может, только мама или бабушка встали обрывать корову, а вот когда надо идти в детсад, тут Ваню надо будить.

Ох, как неохота просыпаться! Во сне интереснее: во сне всё можно: и летать, и на машине ездить, и можно не просыпаться, и никто никуда не торопит. А пробудишься — всё сразу нужно: умываться, одеваться, пить чай, собираться в группу.

— А чего я сегодня в сад возьму? — спрашивает каждый раз Ваня.

— Всё уже брал, — отвечают ему.

Сегодня Ваню разбудил отец. И не просто разбудил, а прямо взял и выхватил из сна. Ваня очнулся на руках у отца.

— Смотри, Иванушка, как солнце поднимается!

В окне за домами, за красной рябиной, было розовое, а внизу ярко-алое небо. И этого алого становилось всё больше. Это и был краешек солнца. От него не было таких лучей, которые Ваня рисовал на бумаге, но небо прямо на глазах становилось всё ярче, а ягоды на рябине будто исчезли.

Ваня умывался, одевался, но всё время подбегал к окну. И как это он раньше не знал, что солнышко так быстро выходит? Конечно, были пасмурные дни, но в солнечные ведь можно было увидеть такую красоту. Вот уже больше половины солнца вышло, и всё небо засияло. Вот — не успел Ваня гречневую кашу съесть — уже почти всё вышло, такое огромное. А вот уже полностью вознеслось и стало греть. Мокрая крыша сарая на глазах высыхала, и на крыше уже растянулся подремать кот Обормот.

— Солнце встало, — упрекнул Ваня, — а ты спать.

— Может, он всю ночь мышей ловил, — сказал отец.

В детсад пришли рано. И тут Ваня вспомнил, что ничего сегодня с собой не принёс. Но когда собрались все ребята, Ваня им задал такую загадку. Он присел до самого пола,

потом медленно-медленно, но непрерывно стал разгибаться. И выпрямился. Никто не догадался, что это.

А это Ваня показывал, как солнце встаёт.

Самокат

У всех ребят были тачки, и у Вани с Колей была. Но вот центральную улицу заасфальтировали, и пошла мода на самокаты. Конечно, если разобраться, самокат по сравнению с тачкой — сплошное баловство. На тачке что-то возят, какой-то полезный груз, для того она и делается. А на самокате только катаются, рвут обувь да ещё на людей наезжают. Но уж больно заманчиво он звенит, и так блестят подшипники — кто устоит? Тем более, ещё не каждый может разогнаться, поставить обе ноги на дощечку и долго ехать, например, от магазина до клуба.

Вынудил Ваня отца сделать самокат. И такой самокат, что на ночь его Ваня домой притаскивал, клал под кровать и перед сном щупал — тут ли? А уж чистил его, уж протирал! Везде на нём ездил. Это ведь только со стороны кто мог подумать, что это простой самокат, а на самом деле это был мотоцикл.

Послали Ваню в магазин за хлебом. Ваня ехал на четвёртой скорости, всех гусей, всех уток, не говоря о курицах, распугал. Подъехал к магазину, чик-чик, выключил зажигание, поставил на тормоз и пошёл, встал в очередь.

Очередь двигалась медленно. Покупатели, особенно женщины, брали всего помногу. Ваня как чувствовал, хотел проверить свой транспорт, но постеснялся выйти из очереди. Но вот, наконец, он вышел на крыльцо — самоката у крыльца не было!

За крыльцом — нет.

За дверью — нет!

Пропал самокат.

Ваня обежал кругом магазина — пусто. Вернулся в магазин и в великом горе, которое его распирало, сказал продавщице:

— А у меня самокат кто-то взял.

— Вишь ты, — ответила она, — кому-то нужнее.

— Ничего, — утешил дядька из очереди, — отец ещё сделает.

Ещё одна тётя пожалела Ваню, а ещё одна заявила:

— Больно трещат ваши тарахтелки, с утра до ночи спасу нет.

И опять побежал Ваня на улицу, в одну сторону сбежал, в другую — нету! Пошёл домой, положил хлеб на стол и разревелся.

Но не было в доме мужчин, не было в доме отца, дедушки и брата, некому было понять и пожалеть Ваню.

— Займись работой — и отвлечёшься, — такой совет дала бабушка.

А Лена так и вовсе сообразила сказать:

— Подумаешь, самокат! Это же не кукла.

Ваня вернулся к магазину. Шёл и мечтал: может, плохо посмотрел за крыльцом? Вдруг он услышал, что его зовут. Та самая сердитая тётя. Она стояла у ограды своего дома.

— Зайди. Твой?

Во дворе, на траве, около дров, лежал-полёживал Ванин самокат. А из окна высовывался зарёванный мальчишка и кричал:

— Не воришка я, не воришка, самокат брошенный был.

— Какой брошенный?! — закричал Ваня. — Я его на тормоза поставил!

— Нет, брошенный! — настаивал мальчишка. — Я его не украл, а нашёл!

— Забирай, — сказала тётя. — А с внуком я ещё поговорю. Брошенный! Не твоё, и пусть сто лет лежит, пусть сгниёт, а не трогай! Бери, — сказала она Ване, — да больно не тарахти!

Ваня от радости и счастья и спасибо не сказал, схватил самокат под мышку и помчался. И дал по посёлку два круга! Только мимо дома этой тёти не ехал, а нёс свою машину на руках.

На последнем круге увидел, что в калитку за ним подглядывает тот самый мальчишка. Остановился Ваня и его позвал.

— Тебя как зовут?

— Витя.

— Хочешь покататься? На, катайся...

Рябина

Ваня и Витя заспорили, кто больше съест рябиновых ягод. В судьи назначили Лена. Пришли к рябине на краю посёлка, сорвали по кисти. Набрали поровну самых лучших ягод. Но хоть они и самые лучшие, а даже глядеть на них было кисло.

Встали друг против друга. Лена хлопнула в ладоши. Они стали враз брать и есть по одной ягодке. Лена следила, и они тоже следили друг за другом, чтобы ягоды не сразу глотать, а вначале раскусывать.

—Эх, сладко! — мужественно говорили соперники и съедали ещё по одной. Потом ещё по одной. И ещё.

Ели, поглядывали на ладошки: много ли осталось? У первого слёзы выступили у Вити.

— Проиграл! — закричала Лена. Она болела за брата.

Но Ваня честно сказал, что слёзы не в счёт, а только кривая сморщенная рожа. Состязание продолжалось. И всё-таки выиграл Ваня. От кислой рябины Вите перекошило рот, глаза вытаращились. Ваня, закрепляя победу, ещё съел штуки три, но и ему стало горько. Язык еле ворочался, стал шершавым, и так было кисло во рту, что хотелось чем-нибудь заесть.

—А вон, — показал Витя на крайний забор, — вишь, черноплодка, сладкая взаправду. Давай сорвём!

— Нехорошо, нельзя, — сказала Лена.

Но ей легко было так говорить, она рябинки не попробовала.

— Мы немножко, — решил Ваня.

Он просунул сквозь изгородь руку, дотянулся до чёрных матовых ягод и сорвал полную горсть. А обратно у него рука не пролезла, пальцы-то сжались в кулак.

Что делать? Ягоды жалко, но и сидеть у забора как привязанному тоже стыдно. Ещё кто увидит. Так и пришлось разжать пальцы. Ягоды упали на землю. Витя похитрей, он не полез.

Шли домой. Лена всё издевалась: вот как сам забор воришку поймал.

Кум Тыква

Ваня знал книжку про Чиполлино и смотрел в ней картинки. Но с ними не всегда был согласен. Например, если положить рядом с тыквой помидор, то размеры будут совсем разные: помидор с кулачок, а тыква, как говорит бабушка, с тележное колесо. Но сказка Ване нравилась. И он с удовольствием помогал бабушке убирать тыквы. Бабушка отрубала их от плетей, а Ваня таскал.

Пришёл звать Ваню на улицу Витя. Но и ему захотелось повозиться с тыквами, особенно с громадными, которые они не тащили на руках, а катили по земле. Встречаясь, ребята говорили друг другу:

— Здравствуйте, кум Тыква.

— День добрый, кум Тыква.

Разыгравшись, они наехали тыквой на крыльцо, тыква треснула. Они думали — бабушка будет ругаться. Но нет:

— Вот вам сколь радости! И поросёнку заодно.

То-то было здорово — выгребать рукой из тыквы холодную мякоть и выбирать из неё скользкие овальные семечки. Есть их было трудно, но вкусно. А особенно, когда бабушка их подсушила на сковородке.

— Давайте, кто больше семечек съест, — предложила Лена.

Они стали соревноваться. Но это было такое соревнование, в котором могли быть только победители.

Раз — картошка! два — картошка!

— Ну, брат, ждать нам помощи неоткуда, — сказал Ване дедушка, — давай потихоньку начнём копать.

Это он говорил про картошку.

— Пока тёплые деньки, — поддержала бабушка. — Сколь маленько покопошитесь, всё, глядишь, дело движется.

И они пошли делать почин. Дедушка наставлял четырёхрогие вилы поодаль от куста, вонзал в землю. Ваня хватался за ботву с другой стороны. Дедушка велел тащить и выворачивал пласт.

— Эх!

И поднималась земля, и открывалась тайна, скрытая в земле, — на свет являлись клубни. Белые, жёлтые, на некоторых кустах розовые. Особенно Ване нравились картофелины, похожие на что-нибудь.

— Дедушка, смотри, как танк!

— Вроде больше на трактор походит.

Когда куст оказывался победнее, дедушка упрекал Ваню:

— Это ты, брат Картошкин, плохо тянул.

И снова наставлял вилы, снова Ваня хватался за ботву, оба решительно и разом говорили: «Эх!» и выкапывали урожай. Картофелины пока не сортировали, разваливали обсыхать на солнышке. Потом земля с них легко осыпалась, клубни становились чистенькими и гремели на дне ведра.

— Хорошо я тянул? — спросил в конце работы Ваня. Дедушка с трудом разогнулся, разломал поясницу и засмеялся:

— Лучше всех!

Пришли на одворицу курицы, стали искать червяков. Лапами разрывали землю.

— Дедушка, это они нас проверяют, как мы работали: может, какую картошку не выкопали? — сказал Ваня.

Отцовское поле

Весь детский сад, кроме группы-малышовки, повели в поле, чтобы посмотреть, как работает комбайн. Они пришли в поле, там было два комбайна, но оба стояли. Там был и Ванин отец. Он озабоченно заглядывал вниз, под комбайн, и спрашивал: «Ну, как? Треснул или совсем?» Снизу, где на земле лежали комбайнёры, доносилось лязганье гаечных ключей.

Отец поздоровался с ребятами, кивнул Ване, не выдержал и полез сам посмотреть неисправность. Ребята обошли вокруг комбайна. Ваня был горд тем, что объяснял: «Это хедер называется, режет колосья, они по транспортёру идут на молотилку, она внутри.

Вверху бункер, там копится зерно, а потом его высыпают через этот рукав. А сзади копнитель, туда идёт солома и там прессуется, а потом выбрасывается...»

— Юлия Герасимовна, — услышали они голос Ваниного отца, — отпустите Ваню, надо в мастерские сбегать, сказать, чтоб срочно сварщика сюда. Вал треснул, надо заварить. А мы пока его вывинтим, приготовим.

Ах, как сорвался с места и побежал Ваня! Даже не подождал разрешения. Дорога, по которой они шли все вместе, показалась сейчас в два раза короче. Вот и мастерские. Ваня, задыхаясь, объяснил, зачем его послали.

— Заводи аварийку! — скомандовал сварщик. Взял Ваню под мышки и посадил в кабину машины «Техническая помощь».

На машине дорога показалась вовсе короткой. В поле один комбайн уже работал, ходил по кругу, а другой стали ремонтировать. Ребятам велели отвернуться, не смотреть на яркий огонь сварки. Трещину на валу заварили, потом, когда вал немного остыл, место сварки зачистили, вал поставили на место.

И вот по огромному просторному жёлтому полю ходили два комбайна, к ним подъезжали машины. Кузов в этих машинах был застелен брезентом, чтоб ни одно зёрнышко не пропало. Юлия Герасимовна расставила ребят цепью вдоль скошенного пространства, и они прошли туда и обратно, соревнуясь, кто больше соберёт упавших колосков. Каждый набрал немного, штук по десять, но когда они сложили их в одно место, то оказалось много.

Эту грудку колосьев обмолотили отдельно, и ребята своими глазами видели тоненькую струйку золотистого тёплого зерна, которое они спасли.

Но радости этого дня на этом не кончились.

— Побудьте ещё на поле, Юлия Герасимовна, — сказал отец Вани.

— Ой нет, нам давно пора. Нам обедать пора.

— А вы дойдите до речки, она же рядом, и руки вымойте, — сказал отец. — У нас для вас секрет.

Оказывается, отец из полевого вагончика по радиации попросил привезти в поле обед не только на механизаторов, но и на ребят и предупредил, чтоб в детском саду их к обеду не ждали.

Вот уж это был обед так обед!

Ребята ели свежий борщ со сметаной, котлеты, пили компот. И все ели с радостью и с гордостью и удивлялись, что просят добавки.

Ещё бы — обед был заработанный.

Нынешний хлеб

Папа принёс маленький мешочек муки. Но не простой муки — свежей, из нынешнего урожая. Бабушка знала, в чём тут дело, и заулыбалась.

— К тебе, дорогая наша мастерица, пришёл я с большущей просьбой. Потому как лучше тебя хлеба никто не испечёт, то просим уважить, испечь каравай. А подарен он будет лучшему работнику на празднике последнего снопа, на дожинках. А из остаточков ребятешкам лепёшек испеки.

Взрослые подходили к мешочку, брали муку в щепотку, рассматривали, вдыхали запах, хвалили. Ваня, да и Коля, не говоря о Лене, не понимали разницы между мукой, тогда им объяснили. Поставили этот мешочек и рядом деревянную кадушку с прошлогодней мукой.

— Смотрите, — говорила бабушка, — тоже хорошая мука, тоже пшеничная, но немножко как-то осунулась, немножко цвет и запах потеряла, сселась. Эта, нынешняя,

смотрите, белая, пышная, душистая... Да что я, сейчас всё поймёте. Ну-ка, воды! Ну-ка, дров!

И пошла работа. Печь запылала. Бабушка, заглядывая в её **чело** и озаряясь красным цветом огня, приговаривала:

— До чего ж ты, наша печка-матушка, хороша да тепла, да как я без тебя за лето соскучилась! И всё-то в тебе быстро варится-парится, и весь-то ты мусор сжигаешь, и всю-то хворь-заразу вытягиваешь!.. — приговаривала, а сама растворяла муку, разбивала в неё яйца, жаривала сковороду и успела ещё маленькую квашню поставить. Это для каравая.

Мама хлопотала в передней. И когда явились первые золотистые, громко трещащие, жгучие лепешки, то на столе их с почётом встречали тарелки со сметаной и топлёным маслом, вазочки с мёдом и с различными вареньями. Дедушка задал задачу:

— Товарищи внуки, макните каждый лепёшкой в масло. Я погляжу, кто какой стороной будет макать.

Внуки оглядели свои лепёшки, ничего не поняли и полезли ими в блюдо с маслом. Никто не выдержал проверки. Все макали наугад.

— А вот раньше, — объяснил дедушка, — в этом разбирались. Для экономии и который гость поскромнее мазали верхнюю, гладкую сторону. А кто пожаднее, тот мазал нижнюю, шероховатую сторону. Она пористая, масло впитывает.

— Чего вспомнил! — засмеялась румяная от жара бабушка. — Ещё эту сторону называли рябой, подовой.

— По-фронтальному сказать — тыловая.

— Кушайте заугоду, — угощала бабушка. — Сейчас что на это смотреть.

И вот они ели эти лепёшки, ели... Наелись. А бабушка всё подкладывает. И такие лепёшки красивые, такие вкусные, что ещё бы съел, да сил нет.

— Поняли разницу? — спросила бабушка. — Разве бы из другой муки вы столько съели, да с такой скоростью?

Интересно, что когда Ваня пошёл на улицу, его многие взрослые спрашивали:

— Из свежей муки небось пекли?

— А как вы догадались?

— Разве же первый хлеб утаишь. Он сам о себе скажет.

Когда тесто в квашне подошло, бабушка вываляла каравай и посадила в протопленную печь. Тут уж такой пошёл духовитый прекрасный запах, что снова захотелось есть. Но это было нельзя — каравай завернули в длинное льняное полотенце и унесли дарить лучшему работнику. Ребята тоже побежали смотреть. И не зря. Комбайнёр, высокий, худой, небритый дядя, принял хлеб с поклоном, поцеловал его, отломил себе маленький кусочек, а остальное разделили детям.

Ох, какой же это был вкусный хлеб!

— Моя бабушка пекла! — хвалился Ваня.

— А чего так мало испекла? — спрашивали его.

Папино письмо

Папа учился заочно в институте и уехал на зимнюю сессию. Это слово Ваня не любил, он скучал без отца. Лена жалась ближе к маме, Коле, казалось, никто не был нужен, у него свои дела, а Ване так не хватало папы. И вот от папы пришло письмо. И в нём, внизу, крупными печатными буквами написано: «ВАНЯ, ПОМОГАЙ ПО ХОЗЯЙСТВУ». Вначале Ваня обрадовался, что папа написал слова именно ему, чтобы он сам мог прочитать, но уж так мало слов, что прямо обидно. Ваня и так помогает по хозяйству, и вовсе об этом не нужно писать, хотелось, чтобы письмо было именно ему и чтобы оно было очень большое,

чтобы целый день читать. Ему три слова, а маме целых два листка и исписаны со всех сторон. Мама даже есть перестала, всё сидела и читала, а потом и на работу с собой взяла.

— Я тоже хочу большое письмо, — сказал Ваня бабушке.

— Надо вначале самому написать большое, а уж потом ждать.

Но большого письма Ване было ни за что не написать.

«Нет, выход один, — думал Ваня, — надо учиться. Скорее бы осень! Скорее бы в школу!»

В поле

Державиным поставили телефон. И телефон этот оказался такой вредный, что в любое время вызывал отца или маму из дома. Только Коля радовался — он часами говорил по телефону с одноклассниками для улучшения успеваемости. Но успеваемость что-то не улучшалась. А Ване и Лене звонить было некому.

Но вот пришло такое время, когда даже и Коле не велено было занимать телефон — наступал весенний сев. Телефон надрывался. Папа кричал в трубку о семенах, о машинах, о том, куда и чего и сколько везти и где взять какую-то шестерню, подшипник, клапан, прокладки. А когда, не поев, даже не выпив чаю, убегал, то велел телефон слушать и отвечать. А что было отвечать: вопрос был один — где отец?

— В поле, в мастерских, в конторе...

И вот наступил день сева. Ваня как вцепился в отца, так и не отпускал, пока его не взяли с собой. Честно говоря, он держал наготове слёзы, чтобы использовать их, но взяли и так.

По дороге в поле они обогнали трактор «Беларусь», который тянул сразу две тележки, гружённые мешками с семенным зерном. Это Ване отец объяснил, а вскоре Ваня увидел, как взрослые разгружают тележки, а трактор всё едет и едет вдоль поля.

Тракторы с сеялками стояли наготове. К ним убежал отец. Ваня за ним. Зерно из мешков рассыпали в ящики сеялок и разравнивали ладонями. В опустевшие мешки стали насыпать по половинке из полных, чтобы потом было легче подтаскивать к сеялкам и засыпать зерно на ходу. Трактористы и сеяльщики напоследок быстро осматривали агрегаты и всё оттягивали минуту, когда начинать.

Солнце взошло. Жаворонки запели. Над огромным вспаханным полем поднимался и светился белый дым.

— Ну! — кричал отец. — По машинам! В добрый час! С Богом!

С краю пошёл первый агрегат, сразу второй, третий. Сзади тащились бороны, разрыхляли и разглаживали землю. Откуда-то с неба упала стая голубей и галок. Птицы побежали вслед сеялкам по пашне, будто проверяли, хорошо ли заделаны зёрна.

Дежурные, подхватив мешки на плечи, бежали к сеялкам, вскакивали на подножки, вместе с сеяльщиками добавляли зерна в ящики. Ваня моментально пригодился старшим: он хватал пустые мешки и бежал отдавать их, чтобы заполняли. Бегать по пашне было трудно, и Ваня скоро устал.

Пошёл небольшой дождь, который развеселил сеяльщиков.

— Хорошая примета! — кричали они. — Не озимое сеем! Яровое.

Ваню закрыли брезентом, велели сидеть на мешках. И Ваня сидел, как в блиндаже, как в укрытии, и как будто следил за полем боя. Это он так о себе придумал. Но тут же он перешёл из командиров в связные, так как пришлось бежать к сеялкам и нести связки заранее приготовленных прутиков — прочищать сошники, которые забивало мокрой землёй.

Дождь перестал, но и сев остановился: зерно не подвезли.

— Они, наверное, думают, что раз дождь, то мы стоим, — сказал отец. — Ваня, беги!

Бежать было недалеко, прямушкой через поле озими. Озимь звали смешно — «зелёнка». На обочине росли вкусные коричневые хвощи, которые Ваня рвал на ходу, на ходу чистил и ел.

Солнце снова сияло. Ваня увидел вдалеке, что «Беларусь» с тележками катит к яровому полю, и понял, что можно не торопиться. Трактор вскоре затих, и вообще стало тихо, потому что птицы выжидали в укрытиях — может, опять пойдёт дождь.

Ваня стоял среди огромного зелёного поля под огромным голубым небом и старался, не жмурясь посмотреть на солнце. И вдруг его будто кто-то окликнул по имени. Ваня оглянулся — никого. Но он же точно слышал, что окликнули. Ваня пустился бежать. Стало радостно, легко. Жаворонки в небе зазвенели, будто колокольчики.

А дождь в тот день пошёл ещё раз. Уже к вечеру. Да такой тёплый, что дедушка, тайком, конечно, от бабушки, позвал Ваню во двор. А во дворе Ваня увидел, что дедушка разутый, без обуви. Конечно, и Ваня моментально оказался босиком. Они оба стояли в тёплой, зелёной от травы луже и радовались.

Кончился дождь, и на востоке, напротив заката, встала огромная разноцветная радуга.

Как Ваня грядки полот

Коля ненавидел полоть грядки. Готов был делать что угодно, чтобы только не полоть: из глубокого колодца накачивать по две бочки воды в день, колоть дрова, но только не полоть. А Лена была мала, путала лебеду и морковь; папа, мама, дедушка постоянно были на колхозной работе, и какой же отсюда вывод? А вывод был такой, что полоть огород приходилось бабушке и Ване.

— А я полоть люблю, — говорила бабушка. — Это ж красота — полезному дать жить, а вредное вырвать. Лучше с утра пораньше, пока земля мягкая, легче. Только вырывай, Ваня, с корнем, иначе вся работа до первого дождя.

Бабушка двигалась с одной стороны грядки, Ваня — с другой. Бабушке трудно было нагибаться, и она полотла на коленях, подкладывая для удобства старую телогрейку. Бабушка говорила с растениями, будто они её понимали. А может, и в самом деле понимали?

— Что ж ты, морковка, так захудала, это кто ж тебя душит, это кто твои соки пьёт? А-а, это ты, осот. Тебе разве места нет на пустыре? Я знаю, знаю, тут тебе земелька нравится. Хороша земелька, да не для тунейдца. И свёклу не обижай. И огурцы. И тебе стыдно должно быть, хвощ, и тебе, вьюнок. Видишь, Ваня, красивые цветочки показывает, думает, что пожалею. Нет, нельзя за счёт других жить.

— А это, бабушка, какое растение?

— А-а, это наш друг любезный — молочай. На него я не сержусь: рвать его легко, корешок слабенький, а уж до чего его поросята любят! И корова. Молочай мы в сторонку положим, с осотом вредным не спутаем. А, здравствуй, матушка-лебёдушка, горькая травушка. Помнишь ли, в войну мы тебя с мякиной да со слезами смешивали и хлебом называли? А если забыла, так и ладно, и не помни.

Ваня отгаскивал вредную траву в кучу на краю огорода, чтоб потом, когда она высохнет, сжечь, и возвращался к бабушке. Бабушка постепенно уставала и начинала говорить сама с собой.

— Руки, руки мои, уж какие-то вы стали нецепкие, нехваткие. Не виню я вас; всяко вам доставалось: и в проруби бельё полоскала, и по двадцати коров даивала, как не устать, как не заболеть. Не сержусь я, прошу только: поработайте ещё, не отказывайте.

Или, с трудом разгибаясь и немного отдыхая:

— Ох, поясница ты моя, поясница, да как тебе не болеть: и со стога-то я падала, и на реке с багром и в лесу с топором сколь рабатывала, ой, не отказывай, дотерпи до вечера, невестушка тебя разотрёт.

Вдруг бабушка что-то вспомнила и корила свою голову:

— Ох, голова ты, голова дырявая. Забыла ведь куриц выпустить, так и сидят с утра под запором, маются, бедные. Беги, Ванюшка, беги, выпусти их.

Ваня бежал и открывал курятник. Куры быстро, толкаясь в воротцах, выбегали во двор и вдруг останавливались. Красавец петух взлетал на изгородь и громко, широкогорото кричал: «Ку-ка-ре-ку!» Но от радости не рассчитывал силы, и в конце его крик превращался в хрипение. Тогда петух соскакивал на землю и притворялся, что чего-то ищет.

Ваня возвращался в огород, и они продолжали полоть. До чего же красивой, аккуратной становилась грядка после войны с сорняками.

И бабушка всегда, кто бы ни пришёл в огород, указывала и говорила:

— Это Ванюшка полел.

В лугах

В это лето Ваню первый раз взяли на общие луга. И не как-нибудь, не на один день, а с ночлегом в шалаше. И не просто так, а настоящим работником. Обещали даже доверить коня. Вот это была радость так радость! Ваня жался ближе к конюху, подтаскивал ему сбрую, знал всех коней по кличкам: Иволга, Звезда, Орлик, Якорь, Партизанка, но коня ему дали не сразу. Это надо было заслужить. Вначале поручили в самую жару, когда взрослые отдыхали, оберегать от оводов, пауков, мух, комаров. Это было тяжело. Ваня обмахивал коней длинной веткой, но приходилось и хлестать покрепче, потому что иногда оводы не отставали. Ваня видел, что лошади, может быть, и его самого считают врагом, так как он хлестал по коже, которую и без того кусали. Один раз Иволга даже отлягнулась от Вани.

Скоро Ваню поставили грести сено. Гребли вручную там, где не могли пройти тракторные или конные грабли. Ваню ставили первым, называлось это «от леса», там, где был начальный, самый тонкий, пластик сена. Ваня насмешил всех тем, что, ухватившись в одном месте за черенок граблей, бегал вместе с граблями.

— Ты так быстро устанешь, — сказали ему. — Ты не сам бегай, а грабли заставляй, не зря же у них ручка длинная, ты зацепи с краю сено и тяни к себе, перебирай руками. Потом шагни и снова тяни.

Дело пошло. После Вани шли постарше, потом ещё, пласт утолщался и превращался в вал чуть не в рост Вани. Из этих валов сено возили к стогу.

Ване запрягли Орлика, старого, спокойного коня. Запрягли его в волокушу, это такие длинные ветви, на которые наваливали копну сена, крепили на скорую руку верёвкой и везли.

Слушался Орлик хорошо. Саня и Коля тоже возили волокуши, но гораздо быстрее. Саня ещё и нахлёстывал своего коня. Один раз и Ваня решил ударить Орлика концом уздечки, но Орлик дёрнул ушами и остановился. Больше его Ваня не торопил.

— Улитка, улитка, высуну рога, дам тебе, улитка, кусок пирога! — кричал Саня.

— Но конюх вступился за Орлика.

— Этому коню цены нет. Всё понимает, только что не разговаривает. Ты же, Санька, на его сыне ездешь и при нём же его lupишь. Не можешь, что ли, по-хорошему? Орлик конь был самолучший — и состарился, а всё работает.

После обеда заложили огромный, на несколько стожаров, стог. Вначале заезжали с волокушами прямо под стожары и там оставляли сено. Потом подвозили сбоку, а отсюда бросали на стог вилами. Когда навалили выше головы, на стог полезли стогоукладчики. Они принимали снизу сено и распределяли его в середину и по краям, чтобы было

равномерно. При этом они всё время ходили по сено, чтоб его плотнее утрамбовать. Это называлось настаивать стога.

Вдруг кто-то закричал:

— Туча идёт, туча!

— Вон из-за озера, с запада!

— Как будем решать?! — закричал бригадир. — Сено в копнах оставим, или как? А может, смечем, а?

Большинство было за то, чтоб метать сегодня и скорее, а то вдруг начнётся ненастье и сено погибнет.

— Шевелись! — закричал бригадир. Он скинул на траву рубаху и взял вилы.

И все метальщики, те, кто подавал наверх сено, тоже сняли рубахи. Работа усилилась, все заторопились. Разговоры стихли, слышались только отдельные команды и озорные поддразнивания. И все — нет-нет да поглядывали на небо. И Ваня поглядывал, и его тоже охватывала тревога: вдруг не успеют — и дождь польёт, и сено пропадёт. Ещё Ваня удивился тому, что все почему-то повеселели. Ведь идёт туча, в ней уже начинают появляться слабые вспышки, даже послышался далёкий гром, но гром и молния не пугали работающих, а добавляли азарта. Молодые парни подхватили и вознесли на стог Ваниного дедушку.

— Не рассыпся, Николай Иваныч! — кричали ему.

Дедушка, как понял Ваня, был на стогу главным. Он указывал, куда и сколько класть сена, так как стог начинали постепенно сводить к вершине. Нужно было искусство точно рассчитать, чтоб и сено всё сложить, и чтобы стог завершить к этому времени, ни раньше, ни позже.

Коля и Санька всю стегали своих коней, возили волокуши рысью. А Ваня страдал оттого, что в такой горячке работы его Орлик везёт волокушу шагом. Но вдруг и сам Орлик стал ходить быстрее, а когда волокуша была пустая, делал даже пробежку.

Это была работа так работа! У одного метальщика сломались от тяжести вилы, ещё бы — он чуть ли не по копне набирал на них за один раз. Потом хрустнули вилы у другого.

— Эй, — кричал бригадир, — полегче, инструмента не напасёшься!

Женщины подгребали сено, другие уже начинали отеребливать и очёсывать стог. Скоро на лугу не осталось сена, и те, кто зачищал за волокушами, и те, кто на них наваливал, прибежали к стогу помогать. Конюх, который тоже метал сено, крикнул, чтоб распрягли. Ваня соскочил с Орлика и чуть не упал — ноги не держали и спина болела. А Орлик, чтобы Ване было легче развязывать супонь, сам нагнул голову.

А туча всё шла и шла. Небо темнело, на лугах стоял тревожный свет. Птицы замолкли, будто и они наблюдали, кто успеет быстрее: гроза или люди?

— Ой, беда! — кричали сверху, видя, как ещё много надо подавать сена.

— Ничего! — откликались снизу. — Принимай! Прорвёмся!

— Штыком и гранатой! — весело кричал конюх, который оказался совсем не старым.

Так и шло соревнование, пока не стало ясно — победили люди! Победили в самый последний момент — только-только подвели стог под вершину и не успели даже закинуть туда вожжи, по которым слезать, как сыпанул, а потом хлынул ливень. Никто не побежал под деревья укрыться, все до того были разгорячены работой, что радовались падающей сверху освежающей воде.

А на заработанные Ванины деньги купили ему ранец для школы.

Именины

— Сегодня на ферме коровьи именины, — сказала мама. — Пойдёшь со мной, Ваня? Будем на маленьких коровок паспорта заполнять и имена записывать.

Конечно, и Алёнушка от них не отстала. Пошли втроём. По дороге мама рассказала, что телята из младшей группы к осени переходят в среднюю. У них теперь будет хозяйка-дойрка, и вот она, вместе с телятницей, называет телят по имени.

На ферме был торжественный день. Доярки и телятницы проверяли телят по порядку размещения. Уже заканчивалось взвешивание. Телята привычно, не толкаясь, без паники, шли на весы и возвращались в загородки. Но вот одна тёлка заупрямилась, стала взбрыкивать и никак не шла.

— Вредная ты была, вредной и будешь, — решила пожилая телятница. — Пиши ей имя Вредная.

— Тётъ Наташ, а может, она исправится? — спросила молодая весёлая доярка.

— Нет, этого ты от неё не дождёшься, — сказала телятница. — Она такая и будет, и не она к тебе, а ты к ней должна подлаживаться. Угодишь — будешь с молоком, не угодишь — рада не будешь.

И все посмотрели на Вредную. А она, будто поняла, что говорят о ней, посмотрела на всех красивыми тёмными глазами и отвернулась.

Самые разные имена давали коровам. Доярки постарше называли их ласковыми именами: Белянка, Зорька, Бурая, Звёздочка, Чернушка...

— Фантазии у вас не хватает! — говорили доярки помоложе.

Они называли своих чудным-чудно: Регланка, Амёба, Бахвалка, Перемена, Афиша, Асимметрия, Синева, Вентиляция, Физика, Подсказка... Доярки эти недавно окончили школу. Ещё одну корову они назвали Балетка, такая она была вся тоненькая, подтянутая, как козочка. А ещё одну, важную, назвали Опера.

Ещё там были два бычка. Ваня сразу вспомнил Февралика и спросил, в каком месяце эти бычки родились.

— И вправду, — сказала телятница. — Чего это мы гостей забыли? Назови их, Ваня. В марте они родились.

Одного бычка Ваня назвал Мартиком, а другого, пониже и угрюмее, Танком.

дну тёлочку назвала Алёнушка. Она назвала её по имени реки — Вяткой.

Припозднились со взвешиванием и наименованиями, выгоняли стадо в этот день, когда солнце стояло высоко. А детей повели пить молоко. Впереди них шёл большой белый кот Аполлон. Имя у него было красивое, а работа тяжёлая — ловить на ферме крыс и мышей. Бесстрашно шагал кот Аполлон под ногами коров: коровы знали его пользу и берегли.

Новая жизнь

— Пойдёшь в школу, — говорили Ване, — и у тебя начнётся новая жизнь.

И наверное, сто раз, не меньше, спрашивали его, хочет ли он идти в школу. Как будто, если бы он не хотел, то и не пошёл бы.

— Да, — отвечал Ваня, — я хочу идти в школу.

И этот день, первое сентября, приближался. Ваня заранее оторвал все листики августа из численника, и — небывалый случай — за это ничего не было. Ваня пять раз за день вытаскивал из шкафа школьную форму и осматривал, не случилось ли с ней чего. А особенно доставалось от Вани школьной сумке. В ней сверху лежал список предметов для школы. Все, начиная с дедушки, знали этот список наизусть. Да и Ваня знал, но перестал себе доверять.

— Азбука, — бормотал он, — так, вот она. Букварь... Резинка, линейка, карандаши, а ещё что? Коля! — кричал он, — что ещё?

Коля однажды не выдержал, подошёл, перевернул сумку и всё из неё вытряхнул. Потом всё сложил сам, щёлкнул застёжкой, поставил повыше и приказал больше к сумке не прикасаться.

В последний день лета Ваня не засыпал дольше всех. Он так ворочался, так часто вставал, что бабушка, не выдержав, спросила:

— Ты чего, на голых досках спишь?

— Нет, на матрасе. — Ваня обрадовался, что с ним говорят.

— Спи давай. А то валерьянкой буду поить.

Но и без валерьянки Ваня проспал дольше всех. Ужас! Даже Лена и та ушла в детсад. Один дедушка не изменил. С ним они и чай пили, с ним и в школу пошли.

Около школы стояли ученики с повязками, как раз Санька с Колей стояли, и страшно важничали, покрикивая на взрослых:

— Родителям за черту не заходить!

— Ну давай, милый, ступай, — сказал дедушка и поцеловал Ваню.

Никогда такого небывало, чтобы суровый дедушка целовал внука, а тут в такой день не выдержал. Ваня решил ни за что не реветь, быстро нашёл своих. Учительница Тамара Михайловна поставила его по росту. Громко играла музыка.

Старшеклассники дарили первоклассникам воздушные шары и книжки. Портфель, цветы, книжка, шар — этого всего так было много, что Ваня не справился, шар его улетел. Ваня думал, что ему попадёт от учительницы, но увидел, что шар его не одинок, в голубом небе над школой летят и другие.

И вот они в классе. Ване досталось место не очень: и не у окна, и не у дверей. Это Санька учил сесть или у окна, чтоб на улицу глядеть, или у дверей, чтоб на переменку первым выскакивать. Но не один был Ваня в классе.

Начался урок.

— Мы начнём с того, — сказала Тамара Михайловна, — что научимся правильно сидеть.

Ваня подумал, что ослышался. Как это учиться сидеть? Они что, разве лежат? Или стоят?

— Мы же сидим, — сказал Ваня.

— Вот как раз ты, Державин, совсем не умеешь сидеть.

Ваня больше не высовывался. Он потрясённо думал о том, сколько всего он умеет. Он умеет ловить рыбу, он плавать немного умеет, сено грести, на лошади ездить, отцу помогать, грядки поливать, грядки полоть, дрова таскать и укладывать, доски стругать... А костёр жечь, а через костёр прыгать! Картошку в костре печь. На лодке грести! По деревьям лазить, в войну играть. В прятки, в пятнашки, в классики прыгать умеет. Сидеть! Подумайте, дело — сидеть! Ваня уж столько гвоздей заколотил, что во всём классе пальцев не хватит сосчитать. Школа называется — сидеть учат.

Всё это Ваня подумал, но вслух не сказал. Тамара Михайловна показала, как надо держать спину, чтобы была красивая осанка, чтоб походка была ровная, лёгкая. Велела поставить локоть на парту и щекой опереться на ладонь. На таком расстоянии от парты надо было держать голову, чтоб не было близорукости. Чтoб меньше устать.

Потом учились вставать и садиться. Потом называли по картинкам разных животных, растения и деревья. Потом слушали стихи про осень.

Но за окном ещё не было никакой осени. Солнце сияло. Птицы пели. А вокруг школы сидели молча и ждали своих хозяев, своих мальчишек и девчонок, их верные собаки. Пусто было на улицах. Пусто было на реке — осмелевшие рыбы выскакивали из воды, разевая рот на мошкарю. И на опушке леса было пусто. Какой-то смелый заяц выскочил из леса и встал на задние лапы.

А ещё над посёлком пролетел самолёт. Звук его заглушил звонок на перемену.

Встреча с героем

В первый день в школе во всех классах были встречи с героями труда. С бывшими учениками этой школы.

— К нам придёт мой бывший ученик, — объявила Тамара Михайловна. — Ваня, поправь воротничок. — Этот ученик самый знаменитый механизатор в районе и области. Он заочно учился, а теперь отвечает в нашем совхозе за всю технику.

«Кто же это?» — думал Ваня.

В класс вдруг торопливо вошёл его папа. «Ведь рано, — подумал Ваня, — у нас же ещё урок». Ещё Ваню обидело, что на папе был комбинезон, как будто не мог ради первого сентября красиво одеться.

— Ребята, — услышал Ваня, — у нас дорогой гость, Сергей Николаевич Державин, знатный механизатор, главный инженер нашего совхоза.

Ох, как стало Ване жарко! Ребята захлопали. А многие посмотрели на Ваню.

— Вы, ребята, извините, что я переодеться не успел, — заговорил отец. — И вы, Тамара Михайловна, по старой дружбе на меня не сердитесь. Сами знаете, какая пора. Не одним вам сейчас трудно. А если сумеете выбрать денёк, прийти помочь, очень будем рады.

— Сергей Николаевич, вы по порядку, — попросила Тамара Михайловна. — Ребятам же интересно.

И папа стал рассказывать. Как он учился в этой школе, только она тогда была старенькая и топилась дровами, и они сами их пилили и кололи. Как они помогали родителям, как он служил в армии и мечтал быть морским лётчиком... (Тут Ване отчаянно захотелось, чтоб отец был лётчиком. Он тогда бы пришёл в класс нарядным, в фуражке.) Но папа рассказывал дальше. Как он познакомился с Ваниной мамой, как они решили жить в родном посёлке, как он учился вечерами. Какие были тракторы и комбайны. Какие осени бывают — иногда убирали хлеба при снеге и дожде. Как вязнут в глине и грязи гусеничные тракторы. Как строили ночами сушилку, чтобы сберечь зерно. Как он рад, что его сыновья, и старший, и младший (тут уже все посмотрели на Ваню), понимают, как нелегко достаётся хлеб.

— Да и вы, ребята, я уверен, не бросите хлеб на землю. Это я даже не знаю, с чем сравнить. Не бросите?

— Нет! — дружно ответили ребята.

— А вообще мне даже вам не передать, как это нужно — хлеб. Вот идёт уборка. Механизаторы, да и вообще все, занятые уборкой, недосыпают, недоедают, с ног валятся от усталости... вы думаете, они делают это только ради заработка? Нет, уверяю вас. Когда проходит время, проходит усталость, такая бывает радость, что твой хлеб пришёл к людям, в магазин, в детский сад к ребятишкам, к вам в школу, в столовые. Придёт уставший человек, отведает нашего хлеба, да не просто, а с душой, со старанием убранного, и силы у него появятся. А силы появятся, можно дальше жить: учиться, работать, в армии служить — словом, полезным быть Отечеству.

И Ваня уже ничуть не жалел, что папа его не офицер. Даже гораздо лучше, что он хлебороб. Ведь не офицеры людей кормят, а хлеборобы.

— Для вашего класса, ребята, я принёс подарок, — сказал папа.

Он вышел на минутку из класса и вернулся с огромным снопом жёлтой ржи. Сноп поставили в красный угол.

Как пролетел этот урок, никто не заметил. Папе подарили большой букет цветов. Но он не брал, говоря, что ему обратно в поле, куда он с цветами.

— Тогда пусть, Сергей Николаевич, отнесёт эти цветы ваш сын, Иван Сергеевич, — сказала Тамара Михайловна и первая захлопала в ладоши.

Кончился этот день, а Ваня не дождался отца. Расставил цветы по комнатам, чтоб все заметили. Все заметили, но папа пришёл, когда сын спал. Папа долго мыл руки, лицо, тихо пил чай и думал, что нужно делать завтра. Но сегодня плохо думалось об этом, а всё вспоминалась встреча в школе, в Ванином классе, и особенно то, как глядел на него сын.